

Литературы народов мира.
Раздел «Кросскультурные исследования
в литературоведении»

УДК 82(91)

EDN CXGVNS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68>

«Das Archetypische» der Sprache: поэзия В. Хлебникова в переводах П. Целана

А. Л. Вольский ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Вольский, А. Л. (2025)
„Das Archetypische“ der Sprache:
поэзия В. Хлебникова в переводах
П. Целана. *Журнал интегративных
исследований культуры*, т. 7, № 1,
с. 62–68. [https://www.doi.org/
10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68](https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68)
EDN CXGVNS

Получена 20 декабря 2024; прошла
рецензирование 20 января 2025;
принята 27 января 2025.

Финансирование: Исследование
выполнено за счет внутреннего
гранта РГПУ им. А. И. Герцена
(проект № 54-ВГ).

Права: © А. Л. Вольский (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
[лицензии ССВУ-NC 4.0.](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Аннотация. В 1969 году П. Целан перевел для издания произведений В. Хлебникова на немецком языке несколько его стихотворений. Переводы В. Хлебникова хронологически завершают его диалог с русской поэзией. Одновременно они занимают в истории этого диалога особое место. Хлебников интересовал П. Целана как философ языка, который ищет первоисток (das Archetypische) языка в поэзии.

Такой подход сближает поэзию и поэтику Хлебникова как представителя русского футуризма с герменевтической традицией в немецкой философии языка и эстетике, которая усматривала происхождение и сущность языка в поэзии. В статье осуществляется попытка связать положения теории заумного языка Хлебникова с рассуждениями немецких философов о языке как «родном языке человеческого рода» (И. Г. Гаман), «энергии духа» (В. фон Гумбольдт), «доме бытия» (М. Хайдеггер), а также с идеей «чистого языка» (В. Беньямин), по-новому поставившего проблему переводимости. С нашей точки зрения, философия языка и поэзия В. Хлебникова подтверждают поэтическую теорию языка. На примере перевода стихотворения «Воздушистый воздухан» предпринимается попытка показать, какими путями идут В. Хлебников и П. Целан в раскрытии поэтического истока языка.

Семантической основой стихотворения Хлебникова является прием реализации негативной внутренней формы, благодаря которой поэт создает поле напряжения между языковым значением и поэтическим смыслом текста. В своем переводе П. Целан создает семантическую перекличку различных исторических слоев и социолектов немецкого языка как аналог языкотворчеству русского поэта.

Ключевые слова: П. Целан, В. Хлебников, поэтический исток языка, перевод, герменевтика

«Das Archetypische» der Sprache: V. Khlebnikov's poetry in translations by P. Celan

A. L. Volskiy ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Volskiy, A. L. (2025) „Das Archetypische“ der Sprache: V. Khlebnikov's poetry in translations by P. Celan. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 62–68. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68>
EDN CXGVNS

Received 20 December 2024;
reviewed 20 January 2025;
accepted 27 January 2025.

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

Copyright: © A. L. Volskiy (2025).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. In 1969 P. Celan translated a number of V. Khlebnikov's poems for a German edition of his works. In chronological terms, Khlebnikov's translations bring Celan's dialog with Russian poetry to completion. Meanwhile, they play a special role in the history of this dialog. Celan primarily took an interest in Khlebnikov as a philosopher of language who searches for the primary source (*das Archetypische*) of language in poetry.

In this article, we attempt to build a link between the tenets of Khlebnikov's theory of abstruse language and German philosophers' views of language as the 'mother tongue of the human race' (J. G. Hamann), the 'energy of the spirit' (W. v. Humboldt), the 'house of being' (M. Heidegger) and the idea of 'pure language' of W. Benjamin, who opened a new dimension in the translatability of lyric poetry. We believe that Khlebnikov's philosophy of language and poetry confirm the hypothesis about the poetic origin and essence of language, which was developed in Germany by the hermeneutic tradition and shared by P. Celan. By bringing the translation of the poem 'Luftiger Luftold' into focus, we attempt to show the paths that Khlebnikov and Celan followed in revealing the poetic origin of language.

Forming the semantic basis of Khlebnikov's poem is the technique of implementing a negative internal form, through which the poet creates a field of tension between the linguistic and the poetic meaning of the text. In his translation, P. Celan creates a semantic interplay of various historical layers and sociolects of the German language in a way similar to the Russian poet's linguistic creativity.

Keywords: P. Celan, V. Khlebnikov, poetic origin of language, translation, hermeneutics

В 2022 году, к столетию со дня смерти В. Хлебникова, немецкое издательство Rowohlt выпустило в свет однотомник его произведений. Это издание не было новым. Оно воспроизводило первое издание 1972 года к пятидесятилетию со дня смерти и второе издание 1985 года, приуроченное к столетию поэта. Помимо круглых хлебниковских дат эти издания вольно или невольно отразили важные вехи немецко-российских отношений. Первое издание вышло в свет на фоне политики разрядки, инициированной Московским договором 1970 года между СССР и ФРГ, фоном второго была горбачевская перестройка, фоном третьего — новейший излом российско-немецких отношений, получивший в Германии название «Zeitenwende».

П. Целан был участником первого проекта по переводу произведений В. Хлебникова, который был инициирован в 1967 году славистом и писателем Петером Урбаном, редактором издательства Suhrkamp. Наряду с Целаном в нем участвовала целая плеяда знаменитых поэтов, среди которых — Ф. Майрёкер, О. Пастиор, Э. Яндл и Х. М. Энценсбергер. Целан перевел

для издания шесть стихотворений: «Воздушный воздухан», «Кузнечик», «Кому сказатеньки», «Черный любирь», «Семеро», «Единая книга» (Ivanović 1993; 1997).

Эти переводы, сделанные в предпоследний год жизни Целана, завершая его диалог с русской поэзией, занимают в нем особое место. В отличие от Есенина, Блока или Мандельштама Хлебников интересовал Целана не только как поэт, но и как философ, для которого поэзия была способом проникновения в то, что сам он называет «das Archetypische» — в первоисток языка (Ivanović 1997, 234).

Этот философский интерес, с одной стороны, сближает Хлебникова и Целана, а с другой, сближает их обоих с немецкой герменевтической традицией, которая усматривает исток и сущность языка в поэзии, а саму поэзию понимает как языковую форму толкования бытия.

Идея о том, что язык имеет поэтическое, т. е. творческое происхождение, восходящее к библейскому рассказу о первотворчестве имен, первично оформилась в богословии (Бл. Августин), откуда перешла в философию и эстетику

(Гучинская 1997, 109–118; 2002, 64–66). В Германии у истоков поэтической теории языка стоял И. Г. Гаман, сформулировавший знаменитый тезис: «поэзия есть родной язык человеческого рода»*. Согласно Гаману, язык был дан человеку Богом, как сотворцу Бога. Подобно тому, как Бог творит бытие, человек творит имена, которыми называет все сущее (Hamann 1921).

Свое развитие теория Гамана получила у И. Г. Гердера. В «Трактате о происхождении языка» (1772) Гердер говорит о человеческом языке как творческом подражании языку природы: он создавал имена, эмоционально откликаясь на природные явления и воспроизводя их при помощи артикулированного звука. Первый этап развития языка, согласно Гердеру, был поэтическим: «Чем был первый язык, как не собранием элементов поэзии?» (Herder 1966, 32).

В «Берлинских лекциях» в разделе «О языке» Авг. Шлегель развивает идею о том, что изначальный язык был поэтическим, т. е. образным. В процессе практического употребления он постепенно утратил изначальную образность и превратился в средство передачи сообщений и «собрание произвольных конвенциональных знаков» (*eine Sammlung willkürlicher conventiöner Zeichen*). Для восстановления образности языка требуется поэзия как искусство (Pohlheim 1972, 23–34).

Идеи Гамана, Гердера и романтиков о поэзии как праязыке человечества продолжили исследования В. фон Гумбольдта. Его философия языка представляет собой философски-филологическое обобщение умозрительных и художественных идей романтиков, переформулировку таковых в русле науки о языке. Главный теоретический труд «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода» задумывался Гумбольдтом не как самостоятельное сочинение, а как предисловие к лингвистическому исследованию малайско-полинезийских языков.

Философское рассмотрение различных языков побуждает Гумбольдта создать умозрительную категорию языка как такового и рассмотреть ее генетически. На вопрос о происхождении языка ответить невозможно, он — мистический. Важно, что он не есть ни продукт человеческой

деятельности, ни результат соглашения — ведь то и другое уже предполагают существование языка. Как соотносятся дух и язык?

Язык можно считать внешним явлением духа народов; язык есть дух и дух есть язык, степень их тождества переоценить невозможно (Humboldt 1994, 414–415).

Связав язык и дух в их генезисе, Гумбольдт обращается к сущности языка, давая свое знаменитое определение языка:

Язык в его внутренней сущности есть не произведение (эргон), а деятельность (энергия). Он есть вечно повторяющаяся работа духа по воплощению мысли в артикулированный звук (Humboldt 1994, 418).

Главный вопрос философии М. Хайдеггера есть вопрос о сущности бытия. Этот вопрос, по мнению Хайдеггера, европейская метафизика предала забвению. Опасное свойство забвения состоит, по Хайдеггеру, в том, что метафизика более не вопрошает о бытии, считая данную проблему так или иначе решенной. Различные философские системы (Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Ницше и проч.), давая свой ответ на этот вопрос, только усугубляли забвение бытия, ибо подменяли вопрошание о бытии вопрошанием о сущем.

Хайдеггер предлагает идти к истоку бытия иным путем: через «высветление сущности языка, обусловленное ее поглощенностью сущностью языка». Эта идея наиболее отчетливо выражена в эссе Хайдеггера «Письмо о гуманизме»: «Язык есть дом бытия».

Называя язык «домом бытия» Хайдеггер подразумевает прежде всего язык в его сущностной связи с поэзией. Раскрытию этой связи посвящены книги Хайдеггера «На пути к языку» и «Толкования поэзии Гёльдерлина» (Heidegger 1959; 1963).

Изначальное единство бытия и языка Хайдеггер усматривает в мифе (*Sage*), который «временит себя» как «звон тишины» (*sich zeitigt als das Geläut der Stille*). При этом сущность языка аналогична сущности художественного творения. Хайдеггер десубъективирует философию языка, выдвигая знаменитый тезис: «Язык язычит» (*Die Sprache spricht*). Это означает, что человек не есть субъект речи. Через свою вовлеченность в сущность языка как мифа он «со-ответствует» (*ent-spricht*) самому языку, который проговаривает все «до него» и «через него».

Поиск сущности языка, а через него и сущности бытия, идет двумя путями. Первый путь использует этимологию немецких, латинских и греческих слов в поисках изначального, т. е.

* См.: Hamann I. G. Schriften. Leipzig, 1921. Прежде всего работу «Последнее волеизъявление рыцаря ордена розенкрейцеров о божественном и человеческом происхождении языка», в которой Гаман говорит о связи слова и вещи в «первозыке» — мифе. Близкие мысли развивали романтические философы. Человек по сущности своей — творец, проявляющий себя в искусстве: «Как человек творит в искусстве, так Бог искусен в творении» (Pohlheim 1972, 163).

«бытийного» смысла слова. Этимологической интерпретации-деструкции подвергаются основные метафизические понятия: логос, мышление, истина, основание, воля и др. Надо при этом отметить, что этимологизация у Хайдеггера носит *поэтический* характер: свои этимологические исследования он «достраивает поэтически» (Гучинская 1997, 48).

Второй путь ведет через язык поэзии как искусства. Поэзия как «словесное творчество бытия» (*worthafte Stiftung des Seins*) (Heidegger 1963, 40) есть воссоздание мифа с помощью средств современного языкотворчества. Обратившись сначала к греческой поэзии (интерпретация хора из «Антигоны» Софокла), Хайдеггер выстраивает целую традицию немецкой поэзии, в которой раскрывается сущность бытия.

Поэтическую теорию языка Гамана, Гердера, романтиков и Гумбольдта продолжает философия языка русского авангарда, в частности, философия языка Велимира Хлебникова. В книге воспоминаний о русском авангарде «Полтораглазый Стрелец» Бенедикт Лившиц описывает свои впечатления от поэзии Хлебникова: «Дыхание довременного слова пахнуло мне в лицо... Гумбольдтовское понимание языка как искусства находило себе красноречивейшее подтверждение в произведениях Хлебникова, с той только потрясающей оговоркой, что процесс, мыслившийся до сих пор как функция коллективного сознания целого народа, был воплощен в творчестве одного человека» (цит. по: Старкина 2005, 74–75).

Теоретической основой лингвофилософских построений Хлебникова стало, как известно, противопоставление бытового слова чистому самовитому слову, умного языка языку заумному. Теорию заумного языка, достаточно изученную в науке, мы не будем здесь снова воспроизводить. Ограничимся некоторыми цитатами. В эссе «Наша основа» Хлебников пишет:

Слово делится на чистое и бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. ...Самовитое слово отрешается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки (Хлебников 1933, 229).

В своих переводах Целан постарался акцентировать идею первоистока языка и первоистока культуры. На нее указывает уже сам подбор текстов. В поэме «Семеро», основываясь на античном мифе о браке амазонок и скифов, Хлеб-

ников воспевает свободу и простоту архаической культуры, возвращение культуры в природное состояние, призывает «хребтом и обличем стать подобным коню».

В поэме «Единая книга» речь идет о том, как религиозные книги человечества — Веды, Евангелие, Коран и великие книги монголов сами воздвигают костер и сами ложатся в него. Из пепла исторических религиозных текстов должна родиться единая книга, читателем которой должно стать объединенное человечество. *Das Geschlecht der Menschen ist dieses Buches Leser.*

Наряду с текстами, в которых единение человечества выражается содержательно, наибольший интерес Целана проявляется в переводе языкотворческих текстов Хлебникова, в которых Целан проявляет эквивалентное оригиналу языкотворчество.

Воздушистый воздухан

Воздушистый воздухан
Воздхее воздхеи,
Воздхее воздхуни.
Сидушистый сидухан
Сидхее сидхуни,
Сидхее сидхуеи.
Кольшистый кольхан
Кольхее кольхуни,
Кольхее кольхеи.
Едушистый едухан
Едхее едхуеи.
Видушистый видухан
Видхее видхуеи,
Видхее видухуни.
1921

Luftiger Luftold
Luchtiger als alle Luchten
Luftender als alle Luftinie
Sitziger Setzold
Gesetzter als alles Gesäß
Der Großgesetzelten Grötzter
Oldung gegolderer
Holde Olderer
Gegoldester Doller
Äsender Ätzling
Linglichster Aasmatz
Gesehlicher Sehnt
Sahrer Seherer
Sehsehrigster.
1969 (*Celan 2000, 294–295*)

Русское стихотворение можно разделить на пять частей соответственно варьируемому корню (возд- сид- кол-, ед-, вид-). Однокоренные суффиксальные неологизмы обыгрывают одну грамматическую модель, в которой субстанциальный признак субъекта мужского рода преобладает над соответствующим признаком существительного женского рода: воздухан воздхее воздхуни.

Вторичный эстетический эффект здесь достигается благодаря *десемантизации* реально-го корня и созданию нового грамматического *квазикорня*, который, вслед за Р. Якобсоном, можно назвать отрицательной внутренней формой, становящейся здесь носителем поэтического значения (Jakobson 1984, 482–491).

Так, в слове «воздухан», суффиксальном неологизме, образованном от существительного воздух, грамматическим корнем является «возд-», однако за счет последовательного проведенного повтора, возникает квазикорень «дух». В результате чередования корня (дух-душ) в тексте возникает дополнительная семантическая оппозиция души и духа, которая пронизывая весь текст стихотворения, претендует быть его смыслообразующей основой. Таким образом, сквозь заумный язык начинает просвечивать умный язык, вновь актуализируя антитезу между ними.

В немецком переводе Целан полностью игнорирует это важное для русского оригинала противопоставление, однако компенсирует его целой палитрой иных лингвистических средств, которые образуют звукосемантическую переключку между разными языковыми пластами.

1. Целан задействует диалектизмы немецкого языка, как нижненемецкого (*Plattdeutsch*) *Grötzter* (суперлатив *Grösster*), так и верхненемецкого *linglichst* (суперлатив от *länglich*) диалекта.
2. Вводятся лексемы, принадлежащие специальным языкам — *äsend* (от *äsen* пастись) и *Ätzling* (каустик хим. термин гидроокись натрия; едкий натр).
3. Используются неологизмы, образованные, однако, из слов, уже имеющих в немецком языке. Например, *Aasmatz* — грамматически этот неологизм представляет собой композит, состоящий из имени нарицательного *Aas* (труп) и имени собственного *Matz* — устаревшей уменьшительной формы от имени *Matthias*.
4. Важным средством языкотворчества является вовлечение в немецкий текст иноязычных слов, таких как английское прилагательное *old* (старый) в композите *Luftold* и нидерландское существительное *Lucht* (воздух), а присоединяя к немецкому корню *Luft*- русский суффикс *-in*, он имитирует словообразовательную модель неологизма *воздухиня*.
5. В эссе «Учитель и ученик» В. Хлебников говорит:

Слыхал ли ты, однако, про внутреннее склонение слов? Про падежи внутри слова? Если родительный падеж отвечает на вопрос «откуда», а винительный и дательный на вопрос «куда» и «где»,

то склонение по этим падежам основы должно придавать возникшим словам обратные по смыслу значения. Таким образом слова-родичи должны иметь далекие значения. Это оправдывается (Хлебников 1933, 171).

В своем переводе Целан строит неологизм на основе внутренней флексии (аблаута), используя в качестве корня форму претерита глагола *sehen* — *Sahrer*. С другой стороны, можно предположить связь этого неологизма с именем старинного богемского дворянского рода — *Sahrer von Sahr*.

Двойное толкование имеет и словоформа *Sehsehrigster*, которая может толковаться либо а) как новообразование за счет редупликации корня с целью интенсификации лексического значения, либо б) как образованная от устаревшего глагола *sehriegen* (наносить рану).

Иными словами, в основе переводческого метода Целана лежит *собираение* отдельных элементов, принадлежащих различным пластам немецкого языка и различным языкам в единую систему номинации. Его языкотворчество в большинстве случаев укоренено в лексическом богатстве языка. Язык, который он использует, в большей степени *задан* ему, а не *создан* им.

Собирая фрагменты различных лингвистических пластов, диалектов, языков в единую систему контекстуально соотносящихся друг с другом элементов, сочетая диахронию с синхронией, Целан стремится воссоздать архетипическое начало языка, сконструировать единую книгу человечества, о которой писал в своих эссе и своих стихах В. Хлебников.

Здесь уместно, на мой взгляд, вернуться к пониманию логоса у М. Хайдеггера. В курсе лекций «Введение в метафизику» М. Хайдеггер толкует греческое понятие логос не традиционно-метафизически, как слово или разум, а этимологически как *собираение* (Heidegger 1998, 95). Собираение языковых фрагментов в единый логос лежит в основе герменевтического метода перевода Целана.

Перевод Целана то приближается к оригиналу, то отдаляется от него. Он касается его в некой исходной точке, чтобы затем следовать собственной логике развития. Точность перевода определяется не мерой зависимости от оригинала, а соответствием собственным имманентным законам. Такой метод касания оригинала и последующего отталкивания от него описал в статье о переводе В. Беньямин.

Подобно тому как тангента слегка касается круга только в одной точке, и это прикосновение, но не точка определяет закон ее дальнейшего движения

в бесконечность по прямому пути, так и перевод слегка и в бесконечно малой смысловой точке прикасается к оригиналу, чтобы затем в соответствии с законом верности продолжать собственный свободный полет в языке (Беньямин 2000, 55).

В свете сказанного уместно сопоставить две точки зрения на перевод. Первая из них принадлежит Р. Якобсону, по мнению которого в лирическом стихотворении форма текста, его звучание, ритм, метр, рифма, образная система, композиция и т. д. настолько органично слиты с его содержанием, что передача этого единства в другой форме, а тем более на другом языке, является невозможной. Его вывод — лирика неперевода. Возможно лишь поэтическое переложение (Jakobson 1984, 490).

Другая позиция представлена В. Беньямином. Для него переводимость есть сущностное свойство языкового высказывания, поэтического же в первую очередь. Беньямин постулирует т. н. единый, интерсубъективный «чистый язык», который возвышается над всеми национальными языками, включая их в себя имплицитно и относясь к ним как целое к частям. Именно чистый язык и обеспечивает возможность перевода с одного частного языка на другой. Событие перевода для Беньямина состоит в непере-

водимости с одного языка на другой. Событие перевода заключается в явлении чистого языка, когда он, освобождаясь от оков одного языка, получает возможность воплотиться в другом. Таким образом, если лингвистическая модель перевода — это диада, то философская модель — триада. Если для лингвиста перевод осуществляется в горизонтальной плоскости, то философ добавляет вертикаль. Соотношения по вертикали являются для него главным событием перевода. Если для лингвиста отношение оригинал — перевод несомненно, то для философа сам оригинал отчасти является переводом: с чистого языка на национальный. Вспомним Новалиса: «В сущности, вся поэзия — это перевод» (*Am Ende ist alle Poesie Übersetzung*). Можно добавить: с чистого языка.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Хлебников, В. (1933) Стихи. Проза. Статьи. Записная книжка. Дневник. В кн.: *Собрание произведений Велимира Хлебникова: в 5 т. Т. 5*. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 376 с.
- Celan, P. (2000) Übertragungen II. In: *Gesammelte Werke. Bd. 5*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 665 S.
- Namann, J. G. (1921) *Schriften*. Leipzig: Insel Verlag, 451 S.
- Heidegger, M. (1959) *Unterwegs zur Sprache*. Pfullingen: Neske Verlag, 269 S.
- Heidegger, M. (1963) *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 144 S.
- Heidegger, M. (1998) *Einführung in die Metaphysik*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 156 S.
- Herder, J. G. (1966) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Stuttgart: Reclam Verlag, 175 S.
- Humboldt, W. v. (1994) *Werke zur Sprachphilosophie. GW. Bd. III*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 762 S.

Литература

- Беньямин, В. (2000) Задача переводчика. В кн.: *Озарения*. М.: Мартис, с. 46–57.
- Гучинская, Н. (1997) К построению поэтической теории языка. В кн.: *Языковая система и социокультурный контекст. Studia linguistica*. СПб.: Тригон, с. 109–119.
- Гучинская, Н. (2002) *Hermeneutica in nuce: Очерк филологической герменевтики*. СПб.: Церковь и культура, 128 с.
- Старкина, С. (2005) *Велимир Хлебников. Король времени*. СПб.: Вита Нова, 776 с.
- Ivanović, Chr. (1993) „Wem bloß erzählchen...“ Celans Chlebnikov-Lektüre. Beobachtungen am Nachlaß. *Celan-Jahrbuch*, Bd. 5, S. 165–192.
- Ivanović, Chr. (1997) Die „vergeudeten Dichter“: Majakowskij-Pasternak-Chlebnikow. In: „Fremde Nähe“: *Celan als Übersetzer. Ausstellung und Katalog*. Marbach. Frankfurt am Main: Deutsche Schillergesellschaft Verlag, S. 317–336.
- Jakobson, R. (1984) Linguistische Probleme der Übersetzung. In: *Ausgewählte Texte zur Poetik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, S. 482–491.
- Pohlheim, K. (1972) *Der Poesiebegriff der deutschen Romantik*. Paderborn: Schöningh Verlag, 500 S.

Sources

- Celan, P. (2000) Übertragungen II [Transmissions II]. In: *Gesammelte Werke. Bd. 5* [Collected works. Vol. 5]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 665 p. (In German)
- Hamann, J. G. (1921) *Schriften* [Works]. Leipzig: Insel Verlag, 451 p. (In German)
- Heidegger, M. (1959) *Unterwegs zur Sprache* [On the way to the language]. Pfullingen: Neske Verlag, 269 p. (In German)
- Heidegger, M. (1963) *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung* [Explanations of Hölderlin's poetry]. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 144 p. (In German)
- Heidegger, M. (1998) *Einführung in die Metaphysik* [Introduction to Metaphysics]. Tübingen: Niemeyer Verlag, 156 p. (In German)
- Herder, J. G. (1966) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache* [Treatise on the origin of language]. Stuttgart: Reclam Verlag, 175 p. (In German)
- Humboldt, W. v. (1994) *Werke zur Sprachphilosophie. GW. Bd. III* [Works on the philosophy of language. GW. Vol. III]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 762 p. (In German)
- Khlebnikov, V. (1933) Stikhi. Proza. Stat'i. Zapisnaya knizhka. Dnevnik [Poems. Prose. Articles. The notebook. Diary]. In: *Sobranie proizvedenij Velimira Khlebnikova: v 5 tomakh. T. 5* [Collected works of Velimir Khlebnikov: In 5 Volumes. Vol. 5]. Leningrad: The Writers' Publishing House in Leningrad, 376 p. (In Russian)

References

- Ben'yamin, V. (2000) Zadacha perevodchika [Translator's task]. In: *Ozareniya* [Illuminationen]. Moscow: Martis Publ., pp. 46–57. (In Russian)
- Guchinskaya, N. (1997) K postroeniyu poeticheskoy teorii yazyka [Toward a poetic theory of language]. In: *Yazykovaya sistema i sotsiokul'turnyj kontekst. Studia linguistica* [Language system and sociocultural context. Studia linguistica]. Saint Petersburg: Trigon Publ., pp. 109–119. (In Russian)
- Guchinskaya, N. (2002) *Hermeneutica in nuce: Ocherk filologicheskoy germeneyvtiki* [Hermeneutica in nuce: An outline on philological hermeneutics]. Saint Petersburg: Tserkov' i kul'tura Publ., 128 p. (In Russian)
- Ivanović, Chr. (1993) „Wem bloß erzählchen...“ Celans Chlebnikov-Lektüre. Beobachtungen am Nachlaß [“To whom shall I tell...” Celan's Chlebnikov reading. Observations on the estate]. *Celan-Jahrbuch*, vol. 5, pp. 165–192. (In German)
- Ivanović, Chr. (1997) Die „vergeudeten Dichter“: Majakowskij-Pasternak-Chlebnikov [The “wasted poets”: Mayakovsky-Pasternak-Khlebnikov]. In: „Fremde Nähe“. *Celan als Übersetzer. Ausstellung und Katalog* [“Strange closeness“. *Celan as a translator. Exhibition and catalogue*]. Marbach. Frankfurt am Main: Deutsche Schillergesellschaft Verlag, pp. 317–336. (In German)
- Jakobson, R. (1984) Linguistische Probleme der Übersetzung [Linguistic problems of translation]. In: *Ausgewählte Texte zur Poetik* [Selected texts on poetics]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 482–491. (In German)
- Pohlheim, K. (1972) *Der Poesiebegriff der deutschen Romantik* [The poetry concept of German Romanticism]. Paderborn: Schöningh Verlag, 500 p. (In German)
- Starkina, S. (2005) *Velimir Khlebnikov. Korol' vremeni* [Velimir Khlebnikov. The King of Time]. Saint Petersburg: Vita Nova Publ., 776 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Алексей Львович Вольский, SPIN-код: 5405-5838, Scopus AuthorID: 57195835622, email: volskij@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Author

Alexej L. Volskiy, SPIN: 5405-5838, Scopus AuthorID: 57195835622, e-mail: volskij@mail.ru
Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia